

ВСЁ ИЗ-ЗА
ТЕБЯ,
ИТАН

КомпасГид
издательский дом

Али
Стенджис

Али Стэндиш

Всё из-за тебя, Итан

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65843929

Всё из-за тебя, Итан / Али Стэндиш: КомпасГид; Москва; 2021

ISBN 978-5-907178-82-3

Аннотация

Итану с семьёй пришлось оставить шумный Бостон и перебраться в крошечный городок в американской глубинке. Его дедушке нужна помощь. Но из прежнего дома двенадцатилетний Итан перевозит и кое-что, что предпочёл бы оставить, – чувство вины.

Впрочем, несчастный случай, произошедший в Бостоне, – далеко не единственное, что тревожит подростка на новом месте. Почему не ладят дедушка и мать главного героя? Какие тайны скрывает одноклассница Корали, которая пытается подружиться с Итаном? Кто та загадочная дама в жутком доме в переулке? Как смогут Итан и Корали справиться с секретами и как предотвратить новую трагедию?

Автор романа «Всё из-за тебя, Итан» Али Стэндиш выросла в маленьком городке Северной Каролины и с детства мечтала стать писательницей. Первым человеком, который учил её придумывать истории, была мама. «Я называла маме три слова, например черника, панда и снежный лес, – и она соединяла эти

вещи, которые на первый взгляд не имеют никакой связи». Сейчас писательница живёт в Северной Каролине и работает над новыми романами для подростков.

«Всё из-за тебя, Итан» – дебютный роман Али Стэндиш, вышедший в 2017 году, который завоевал ряд литературных наград в США и занял первые строчки в рейтингах лучших книг года.

Содержание

Пролог	6
Палм-Нот	9
Дедушка Айк	13
Мейн-стрит	18
Сюзанна	24
Родди	29
Семейный лад	36
Второй школьный день	40
Воспоминания	44
Корали	48
Путешествия во времени	53
Друзья нужны всем	56
Приглашение	60
В библиотеке	65
Урок вождения	72
Нормальность	77
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Али Стендиш

Всё из-за тебя, Итан

Аруну, с которым мы спорили, кто круче

Пролог

Окно Кейси оставалось тёмным уже пятьдесят девять дней.

Пятьдесят девять дней – очень долгий срок, и кто-нибудь другой мог бы легко забыть, что Кейси когда-то там жила. Или даже что она вообще существовала.

Я не забыл.

Сегодня, как и в предыдущие ночи, я дожидаюсь, пока все уснут. Потом на цыпочках спускаюсь вниз, накидываю пальто, выскальзываю за дверь, забираюсь на крышу нашего «субару» и сижу, глядя вверх.

Я так много ночей наблюдаю за окном Кейси, что уже перестал различать четыре тёмных стекла, скреплённые скелетом рамы.

Вижу только мрачный провал там, где когда-то был свет.

Сегодня, выйдя на крыльцо, я вижу кое-что ещё.

Сегодня на дорожке возле её дома стоит машина.

Окно Кейси оставалось тёмным целых пятьдесят девять дней.

Теперь в нём вспыхивает свет, и желтоватое сияние разгоняет ночную тьму.

Я так резко глотаю стывший воздух, что он обжигает горло.

И не выдыхаю.

Но прежде чем успеваю заставить себя остановиться, бо-

тинки уже шлёпают по асфальту, и я со всех ног несусь через улицу, во двор Ридов. Озябшие без перчаток пальцы шарят по земле, пока не находят довольно крупный камень. Я встаю прямо под окном Кейси и швыряю камень, попадая точно в левую верхнюю четверть.

Какую-то секунду ничего не происходит.

Потом по стене скользит тень, и в окне возникает лицо.

Я чувствую, что имя Кейси уже готово вырваться оттуда, где скрывалось так долго, – из самого сердца.

Вглядываюсь в лицо наверху – и имя застревает в горле.

Обильный макияж и распущенные волосы принадлежат миссис Рид, матери Кейси.

Я ныряю в тень живой изгороди у самого крыльца Ридов, надеясь, что она не успела меня заметить, и сижу на корточках, спрятав лицо в колючих ветках, пока не чувствую, что она отвернулась.

Окинув взглядом террасу, замечаю, что на бурой кирпичной кладке белеет небольшой листок бумаги.

И, не успев даже задуматься, хватаю письмо.

Потом мчусь к себе, взлетаю по ступенькам и принимаюсь разглядывать то, что держу в руках.

Это не письмо – счёт.

Смотрю на обратный адрес, понимаю, что означают эти слова, вот только они не имеют ровным счётом никакого смысла.

Земля уходит из-под ног.

Тупица, тупица, тупица. Бросаю камни в окно, словно надеюсь, что она там. А её там, конечно, нет.

Я знаю, где она.

Всё ещё пытаюсь отдышаться после рывка через двор Ридов, я вдруг чувствую всепоглощающее желание бежать снова, бежать прочь, пока не удостоверюсь, что никогда больше не увижу этого места и этого окна. Так уплывают в открытое море, зная, что вернуться на берег не хватит сил.

И, когда ноги приходят в движение, я уже не могу их остановить.

Я должен добраться до Кейси.

Что я знаю о себе

1. Меня зовут Итан Трюитт.

2. Мне двенадцать лет и четыре месяца.

3. Я пробыл в машине пятнадцать часов, четыре минуты и тридцать две секунды.

4. Должно быть, поэтому моя левая ягодица онемела.

5. Мой старший брат Родди, храпящий сейчас рядом, меня ненавидит.

6. Иногда я и сам себя ненавижу. Поскольку знаю, что именно я в ответе за всё, что случилось в Бостоне.

7. Вот почему Итана, которым я был раньше, больше нет.

Палм-Нот

Если верить табличке, которую мы заметили у въезда в город, то Палм-Нот в штате Джорджия – «скрытая жемчужина Ю а». Мама говорит, что *раньше* он был «скрытой жемчужиной Юга», но из-за ветра и океанской сырости краска с «г» совсем облупилась.

Думая о жемчужинах (крайне редко), я представляю себе нечто солидное, яркое, блестящее. Но проезжая Палм-Нот, вижу только вялое, выцветшее и скучное. Больше похожее на морскую гальку, за долгие годы обкатанную до абсолютной гладкости – и безличности.

Когда мы сворачиваем на главную улицу, банально названную Мейн-стрит¹, мои ягодицы снова сводит судорогой.

Последние несколько часов я провёл, привалившись к двери машины и стараясь держаться как можно дальше от Родди.

Но сейчас, заворочавшись, случайно втыкаюсь ему в колено.

Его хриплое дыхание мигом прерывается, глаза распахиваются, и он резко отводит ногу, словно боится подхватить от меня какую-нибудь заразу. Смотрит с явным отвращением. И молчит, но я всё могу прочесть по глазам. *Полегче,*

¹ Мейн-стрит (Main street) – букв. «главная улица» (англ.).

придурок.

Я даже не вздрагиваю. Привык. Родди не говорил со мной с тех пор, как я попытался сбежать. В третий раз.

Впервые это случилось, когда я подобрал счёт, который миссис Рид, должно быть, обронила, входя в дом, и успел добраться до Южного вокзала, прежде чем меня остановил полицейский. Вероятно, у него вызвал подозрения двенадцатилетний мальчишка, посреди ночи околачивающийся возле автобусной остановки в полном одиночестве.

Во второй раз я был умнее: заранее посмотрел расписание, добрался до станции как раз к полуденному автобусу и пристроился позади женщины средних лет, которая вполне могла сойти за мою мать. Это сработало.

В тот раз я почти добрался до Кейси.

Почти.

Вот почему я должен был попробовать ещё раз. Оставалось только дожждаться шанса, первого же случая, когда родители оставят меня дома с Родди. И тогда я снова сбежал.

Но не успел пройти и полквартала, как кто-то дёрнул меня за плечо, заставив запутаться в собственных ногах и рухнуть на тротуар.

Родди был прав во всём, что наговорил мне в тот день. Теперь я это понимаю.

Но я не обязан ему в этом признаваться.

– Эй, ребята, вы там не спите? – спрашивает с переднего сиденья мама.

Родди хмыкает и натягивает на глаза бейсболку с эмблемой Бостонского колледжа.

– Итан, у тебя всё в порядке?

С некоторых пор мама стала произносить моё имя так же, как складывала в коробки свой лучший фарфор, когда мы уезжали из Бостона. Осторожно. Медленно. Словно боялась разбить что-то очень хрупкое и дорогое.

Я кивнул.

– Мы уже почти дома, – добавила она.

– Это не дом, а какая-то свалка, – бурчит Родди, выглядывая в окно.

И он прав. Крыши домов сплошь провисшие, словно огромные гамаки. Деревья кривыми когтями торчат из песка. Улицы узкие, все в буграх и рытвинах, и даже вода в океане настолько мутная и серая, что кажется, словно бухта до краёв залита расплавленным свинцом.

– Мы нужны твоему дедушке Айку, Родди, – оборачивается мама. – Пожалуйста, давай чуть позитивнее. Здесь мы всё начнём сначала.

Родди прищуривается так, что зрачки обращаются в крохотные ледяные точки, и пинает консоль между передними сиденьями.

– Хватит врать! Мы ведь не знаем этого дедушку Айка. Он, между прочим, твой отец, а ты о нём даже никогда *не упоминала*.

– Родди, не начинай! – огрызается папа. – Хватит уже.

Хватит, и всё. Дорога была не из лёгких.

Но тут Родди снова прав.

Родители объявили, что мы переезжаем, на следующий день после моей третьей попытки побега. Сказали, нам стоит сменить обстановку. Но, думаю, всё не должно было случиться настолько внезапно. Просто за пределами Бостона им некуда нас увезти, поскольку второй мой дедушка, Скотт, живёт всего в нескольких кварталах от нашего старого дома, а мама с папой не могут себе позволить так запросто купить новое жильё в другом городе.

Они направо и налево твердят, что мы переезжаем в Палм-Нот, чтобы «помогать» дедушке Айку, который «с годами сильно сдал». Я притворяюсь, что верю, но точно знаю: они всё врут.

Мы переезжаем не для того, чтобы помогать дедушке Айку.

Мы переезжаем из-за того, что я сделал с Кейси.

Дедушка Айк

Через пять минут папа сворачивает на грунтовку, и мы, миновав несколько домов разной степени ветхости, подъезжаем к приземистому дощатому строению в конце улицы. Не самому унылому в округе, но и не самому приятному. У двери припаркован ржавый пикап, на газоне тут и там виднеются бурые проплешины увядшей травы.

– Вы только взгляните! – выдыхает мама, прикрыв рот рукой. – До чего он дом довёл! Руины!

– Тогда мы вовремя! – с наигранной радостью заявляет папа. – Все на выход.

Я отстёгиваю ремень и распахиваю дверь, отчаянно пытаюсь размять мышцы и глотнуть свежего воздуха.

Но стоит выйти из машины, как влажность наваливается на меня, словно мокрое шерстяное одеяло, настолько плотное, что я едва могу дышать. Из-за неровной стены деревьев по краю окружающих нас болот доносится жужжание москитов.

Мама, шурясь и качая головой, стоит в мрачной тени дома. Может, дело в этой тени, но, похоже, её серые глаза предвещают бурю.

Услышав скрип, я оборачиваюсь в сторону деревянного крыльца и вижу, что в приоткрывшейся двери возникает неясный силуэт. Дедушка Айк. Он не выходит поздоровать-

ся, просто стоит и глазеет, не вынимая рук из карманов.

– Привет, Айк, – говорит мама с энтузиазмом человека, внезапно обнаружившего на крыльце жирного торговца вразнос.

А дедушка Айк ничего не говорит.

– Отлично, – бормочет Родди. – Я смотрю, он любитель поболтать.

Мама на него шикает.

Папа внимательно следит, как мы с Родди выгружаем из багажника по два чемодана на брата. Родители вообще стали внимательны к тому, что мы с Родди делаем вместе. С того самого дня, как застали нас на улице после моего третьего побега: Родди прижимал меня к припаркованной машине, и кровь с моих расцарапанных коленей капала прямо на тротуар.

Я неохотно подхожу к крыльцу, почти совсем облупившемуся от некогда покрывавшей его белой краски – повсюду торчит голое дерево. И оказываюсь лицом к лицу с дедушкой Айком.

Высокий – под два метра – и плотный, он словно сложен из кирпича. Глаза и борода одинаково серебристо-серые, в уголке рта пятно горчицы.

– ‘Доров, Итан, – говорит он, на пару секунд встретившись со мной взглядом, потом одним движением снимает с моего плеча туго набитую спортивную сумку и пропускает внутрь. – Твоя комната наверху.

Дом дедушки Айка совсем не похож на наш бостонский. Для начала, он жутко старый.

Наш дом в Бостоне тоже был старым, но совершенно по-другому. Там были хромированные лейки для душа, обжигающе горячая вода, блестящие мраморные столешницы и куча электроники на кухне.

Мне хватило всего пары часов, чтобы понять, что дома у дедушки Айка – в смысле, у меня – ничего подобного нет. Вода из душа идёт чуть тёплая, кухонный стол перепачкан чем-то зелёным и бурым, холодильник каждые несколько минут издаёт хриплый звук, словно кто-то отхаркивает мокроту. *Кхе-кха-а-а! Кхе-кха-а-а!*

Весь дом уставлен какими-то коробками: они высятся штабелями за стиральной машинкой, мокнут на заднем дворе, торчат из-под кроватей. А большую часть гаража занимает древний кусок металла на четырёх колёсах, который дедушка Айк зовёт «недвижимостью».

Как только мы заканчиваем разгружаться, мама разогревает замороженную пиццу и раздаёт нам по куску на бумажных тарелках. Дедушка Айк говорит, что уже поел, но молча садится с нами за стол и смотрит, с какой волчьей жадностью мы набрасываемся на обед.

Я рад, что ему, похоже, вовсе не интересно рассказывать мне, как сильно я вырос, или приставать с вопросами об учёбе и любимых видах спорта.

– Могу быть свободен? – спрашиваю я спустя долгих десять минут.

– Уже наелся?

– Мам, я же два куска съел.

– Ну ладно, тогда я поднимусь, постель тебе застелю.

– Я и сам справлюсь. – Бросаю тарелку в мусорку и взлетаю по лестнице раньше, чем она успевает возразить.

Моя новая комната на самом деле очень даже неплоха. Она намного больше старой, есть даже широкий подоконник, на котором я долго сижу, глядя в окно. Выходит оно на болото, где лунный свет, отражаясь в тёмной воде, змеящейся сквозь камыши, распадается на мелкие блестящие чешуйки.

Я как раз собираюсь ложиться, когда слышу стук в дверь.

– Открыто.

Дедушка Айк распахивает дверь, но остаётся в коридоре.

– Заселился? Всё в порядке?

– Думаю, да, – говорю я, неловко застыв у кровати.

– Что ж, тогда ладно, – кивает дедушка Айк и, прищурившись, обводит взглядом пустую комнату. – Планируешь её чем-нибудь украсить?

– Не то чтобы...

– Да и какой смысл, а? И без того всё необходимое под рукой. – Он вдруг замолкает, уставившись на задвинутый в угол комнаты комод. Проследив этот взгляд, я замечаю, что

там стоит фотография.

Дедушка Айк сухо кашляет.

– Ну, спокойной ночи. Если понадобится, я рядом.

Комната Родди прямо за стеной, так что за другой должен быть дедушка Айк. За той самой дверью, которую не открывали с тех пор, как мы приехали.

– Спокойной ночи, – вздыхаю я с облегчением: значит, не будет никаких душеспасительных бесед, никаких «если тебе нужно поговорить, я всегда здесь», которые взрослые считают для меня сейчас совершенно необходимыми.

И вдруг слышу откуда-то сверху тихий скрежет.

– Это всего лишь мыши, – пожимает плечами дедушка Айк. – Не о чем беспокоиться. Если, конечно, не белки – тогда у тебя большие проблемы. В любом случае спи спокойно.

Тут оживают колонки в комнате Родди – от их басов содрогается даже наша общая стена.

Дедушка Айк снова смотрит на меня, вскидывает бровь.

– Или нет.

И я решаю, что дедушка Айк мне понравится.

Мейн-стрит

В первое утро в Палм-Нот папа расталкивает меня в восемь. Открывая глаза, я прищуриваюсь из-за солнца, бьющего точно в окно. Услышав громкий звенящий звук, я с минуту считаю, что это гудит голова, прежде чем осознаю, что так жужжат москиты над болотом.

– Пора вставать, – говорит папа. – Мама приготовила завтрак, потом мы едем в хозяйственный.

– А я-то там зачем? – скулю я.

– Затем, что мне нужна твоя помощь, – говорит папа.

Очередная ложь.

Можно подумать, от похода в хозяйственный магазин мне станет хоть чуточку лучше.

Но я встаю и одеваюсь, ведь это отнимает меньше сил, чем споры. В конце концов мама тоже решает поехать: иначе как она проконтролирует, что мы с папой купим только «высокоэффективные моющие средства» и «самые гуманные мышеловки»?

К тому времени, как мы уезжаем, пикапа дедушки Айка уже и след простыл.

Пока мы виляем по грунтовке, мама тычет пальцем в каждый дом и рассказывает, кто там обитает. Итак, мои новые соседи:

1. Бондуранты (вернее, теперь уже просто Бондурант, без

«ы»). Мистер Бондурант одиноко ютится в ржавом трейлере возле дома, в котором проживал вместе с миссис Бондурант и который, по маминым словам, та отписала своему брату.

2. Милсэпы, чей дом выкрашен в пурпурный и зелёный. У них двое маленьких детей, а на заднем дворе они держат коз и кур. Сегодня утром миссис Милсэп принесла маме консервированных персиков и корзинку свежих помидоров с собственного огорода.

3. Прейеры, которых я пока не видел, поскольку с апреля по сентябрь они уезжают на Кейп-Код.

4. Старый полусгнивший дом – самый большой из всех на нашей улице, – который раньше принадлежал семейству по фамилии Блэквуд, а сейчас пустует. Если, конечно, там не поселились призраки, что кажется весьма вероятным.

Палм-Нот – не из тех городов, куда толпами стекаются туристы. Правильнее было бы назвать его местом для технической остановки, чем собственно городом: череда магазинов вдоль потрескавшегося участка шоссе, огибающего бухту.

– Старая заправка «Тексако» на полпути между Саванной и Джексоновиллом – вот что туристы называют Палм-Нотом, – говорит мама, когда мы переезжаем мост.

Залив раскинулся справа от нас, почти все здания сгруппировались на другой стороне.

– Слева, Дейв! – вскрикивает мама, указывая на первое же кирпичное строение по ходу с вывеской «Мак – товары для дома».

Но папа уже проскочил мимо, и нам приходится развернуться на парковке мотеля «Розовая пальма».

За ним виднеется пляжный ресторан «Рыбный дом». Чуть ближе к нам, у самой парковки, располагается похожий на огромную фасолину бассейн. Несмотря на то, что сейчас только начало апреля – когда в Бостоне дети только подумывают, не сменить ли зимнюю куртку на весеннюю, – от бирюзовой воды поднимается пар. Час ещё ранний, но в бассейне уже полно детей – судя по тому, как весело они плещутся, давно знакомых друг с другом.

Я люблю плавание и особенно прыжки в воду. Но этот бассейн ничуть не похож на тот, куда мы с Кейси ходили в Бостоне, – единственный поблизости, где сохранилась прыжковая вышка.

– Мистер Эрни всегда пускает местных ребят поплавать, потому что за деньги к нему всё равно никто не ходит, – говорит мама, проследив за моим взглядом. – Я там всё время проводила. Хочешь, потом сходим?

Я думаю о давящей массе совершенно чужих лиц, которые встретят меня, едва я появлюсь в бассейне. О непрерывном потоке вопросов, откуда я, как там в Бостоне и когда я пойду в школу.

Потом вижу, что ребята строятся на краю бассейна, готовясь к заплыву. Должно быть, им весело.

– Нет, – говорю, – не хочу.

У хозяйственного магазина высажены цветы, а над дверью покачивается, тихо звякая на ветру, подвеска с колокольчиками. Две одинаковые полосатые кошки устроились рядышком на коврике, так что любому, кто хочет войти, приходится через них перешагивать.

Я вхожу следом за родителями и тащусь за ними, останавливаясь каждый раз, как они принимаются спорить о плюсах и минусах натуральных средств для мытья стёкол и о вероятности того, что у дедушки Айка найдётся рабочая газонокосилка.

Воздух в магазине спёртый и влажный, здесь всё пропахло землёй, словно мы в гигантском гробу. У меня скручивает живот, я хватаюсь за горло в резком приступе удушья.

– Мам? Можно мне наружу?

Мама, вертевшая в руках отвёртку, от неожиданности роняет её на пол. Потом, мрачно поглядев в папину сторону, наклоняется поднять.

– Даже не знаю, Итан, – говорит она. – Я не думаю, что тебе стоит...

– Да я просто снаружи постою. Хочу... гм... котиков погладить.

Ладно, иногда я тоже вру.

– Может, папе с тобой...

– Я встану так, чтобы ты меня видела. Обещаю.

– Чтобы я видела, – эхом откликается она и, с озабоченным видом достав из корзинки мебельную полироль, кото-

рую сунул туда папа, принимается оглядывать полки в поисках другой марки. – Мы недолго.

Видя, что я направляюсь к выходу, продавщица с дредами, обмахивающаяся куском наждачной бумаги, тычет пальцем в стоящую перед ней разноцветную банку.

– Ириску? – спрашивает она.

Я качаю головой, распахиваю дверь, перескакиваю через кошек и, вывалившись в кипящее марево, начинаю жадно глотать отчаянно солёный воздух. Здесь даже жарче, чем в магазине, но, по крайней мере, с океана дует ветерок.

Стягиваю через голову свитер, комкаю в руках. Мне не говорили, что здесь настолько теплее.

Интуитивно оборачиваюсь через плечо и вижу, что из-за стекла смотрит мама. Она машет мне и скрывается за стеллажом чистящих средств для унитаза.

Подозреваю, что даже здесь, где нет ни автобусов, ни поездов, – а значит, я никак не смогу добраться до Кейси, – они опасаются, что я снова попытаюсь сбежать.

Я сажусь на раскалённый бордюр и разглядываю мрачную бухту на той стороне дороги, насколько мне известно, не имеющую официального названия. В этой безымянной бухте даже нет пляжа, только волны, бьющиеся о скалистую гряду, отделяющую океан от Мейн-стрит. На безмятежных океанских волнах лениво покачивается несколько лодок.

Наверное, они считают, что я сопру одну такую и попытаюсь добраться к Кейси вдоль берега.

Может, Итан, которым я был раньше, до того дня, когда Родди швырнул меня на тротуар, так бы и сделал.

Я – нет.

Мой взгляд останавливается на «Песочнице», единственном здании на той стороне улицы. Мама рассказывала про него по дороге в город, так что я в курсе, что это продуктовый магазин. Но в витринах также видна весьма обнадёживающая реклама наборов для подводного плавания и ожерелий с акульим зубом, а вдоль тротуара разложены надувные игрушки для бассейна. Вот выходит женщина, придерживает дверь для двух ребятшек: мальчик и девочка, в руках по мороженому в вафельном рожке, облизывают, довольные.

Вдруг девочка спотыкается о выбоину, и её рожок летит на асфальт. Мальчик моментально приходит на помощь: подхватывает под руку, предлагает свой рожок, чтобы унять слёзы. Она утирает глаза и улыбается.

Вернувшись, словно бумеранг, боль внезапно пронзает меня, и я отворачиваюсь.

Я ведь не врал, когда говорил, что родителям не стоит беспокоиться. Я больше не попытаюсь сбежать.

Там, в Бостоне, я убегал, потому что хотел найти Кейси.

Если бы я смог её найти, я бы всё исправил.

Но теперь я знаю, что не смогу.

Потому что Кейси больше нет и мне никогда её не найти.

Сюзанна

Проходит, кажется, целая вечность, пока мама с папой и примерно двадцатью пухлыми сумками на каждого наконец не появляются из магазина.

– Ой, Дейв, мы забыли взять что-нибудь от пауков, – говорит мама. – Не мог бы ты...

– Конечно, – бормочет папа, выстраивая сумки на краю тротуара у моих ног, и тащится обратно в магазин.

Мама нависает надо мной, приглаживает мою кудрявую чёрную шевелюру.

– Ну и что ты пока думаешь о...

– Лара? Лара Померой, это ты?

Я поднимаю глаза и вижу, что к нам направляется платиновая блондинка в обрезанных джинсах и майке. Длинные ноги, плечи и лицо розовеют ожогами, делая её похожей на гигантского фламинго.

– Грета? Грета Кэрроуэй? – неуверенно откликается мама.

– Надо же, вспомнила! – восклицает женщина, заключая её в объятия. – Лара Померой! Поверить не могу!

– Я теперь Трюитт. Муж в магазине, а это мой сын Итан. – И мама машет рукой, чтобы я поднимался. – Итан, это миссис Кэрроуэй.

– О, уже *мисс* Кэрроуэй, – растягивает слова женщина. –

Мистер Кэрроуэй пару лет назад свалил на «грейхаунде»² в Орландо.

Потом она протягивает холёную руку.

– Рада познакомиться, красавчик. Мы с твоей мамой вместе в школу ходили. А моя дочь Сюзанна... – Мисс Кэрроуэй оглядывается. – Сюзанна! Заканчивай уже болтать, иди по-здоровайся.

Из-за припаркованной машины выходит девочка, её лицо наполовину скрыто телефоном, пальцы бегают по экрану.

– Что за манеры, а? – кудахчет мисс Кэрроуэй. – Сюзанна, это... эм... Идан?

– Итан, – коротко поправляет мама.

Трудно представить, что они с мисс Кэрроуэй ровесницы: седина и морщинки вокруг глаз делают маму старше.

Сюзанна в последний раз щёлкает по экрану, вероятно, нажав «отправить», потом наконец опускает телефон. «До чего похожа на куклу», – первым делом думаю я: аккуратно завитые светлые волосы вокруг личика-сердечка, глаза словно нарисованы небесно-голубой краской. На ней верх от купальника и белые шорты, через руку небрежно переброшено полотенце.

– Привет! – говорит она, оглядывая меня с ног до головы.

– Привет, – откликаюсь я, пугаясь собственного сиплого голоса.

– В каком Итан классе? – интересуется мисс Кэрроуэй.

² Компания Greyhound – крупнейший в США автобусный перевозчик.

– В седьмом. В следующий понедельник первый раз в новую школу.

– Ну разве это не отпад?! Сюзанна тоже в седьмом классе! – Мисс Кэрроуэй кладёт руку дочери на плечо. – И может с первого же дня подружиться с Игоном.

– *Итаном*, – повторяет мама.

– Итаном, точно. А ты чего вернулась? – спрашивает мисс Кэрроуэй, плотоядно облизнув губы. – Причина снова забраться в эту дыру должна быть чертовски веской.

Сердце на секунду останавливается. Мне совсем не нравится, как мисс Кэрроуэй смотрит на маму: словно та что-то скрывает. Но мама отделяется обычной отговоркой.

– Мы с Дейвом оба всё равно работаем дома, а папа с годами сдал, вот мы и решили, что помощь ему не помешает.

– Да уж я думаю. Знаешь, мы-то его и в городе-то почти не видим. Годами. С тех пор, как...

Но мама прерывает мисс Кэрроуэй, продолжая перечислять ложные причины, а я перевожу взгляд на Сюзанну, которая учится...

– Вы откуда переехали? – спрашивает она наконец.

– Из Бостона.

– О, это реально круто. – Она вскидывает бровь, как бы показывая, что впечатлена. – А я всегда здесь жила. К нам новенькие почти не приходят. Какой была твоя старая школа?

– Ну, знаешь... Скучной.

– Мне об этом не рассказывай, – закатывает глаза Сюзанна. – Но держу пари, у тебя там куча друзей была, правда? С первого взгляда видно.

Я не знаю, что на это ответить, и просто опускаю голову, но стразы на шлёпанцах Сюзанны блестят на солнце так ярко, что приходится щуриться. Отвожу глаза, пожимаю плечами – единственный ответ, который приходит в голову.

– Не беспокойся, – говорит она. – Уж я позабочусь, чтобы ты знал, с кем тусоваться. Можешь за обедом подсесть ко мне, я тебя всем представлю.

При мысли, что Сюзанна станет демонстрировать меня, как новую куклу в телерекламе, я скептически морщусь, но вовремя ловлю себя на этом и только неохотно бурчу: «Ладно», изо всех сил желая, чтобы папа наконец покончил с хозяйственными покупками и мы могли ехать домой.

И это срабатывает. Едва Сюзанна открывает рот, чтобы ответить, как я слышу мамин голос:

– А вот и папа. Пойдём, Итан.

– Приятно познакомиться. – Мисс Кэрроуэй протягивает руку, несмотря на то что обе папины заняты. Тот устало улыбается и пытается освободить от сумок хотя бы правую. – Мы с Сюзанной сейчас в бассейн. Присоединитесь?

– Спасибо, – качает головой мама. – Но нам действительно пора.

– До скорого, – говорит Сюзанна, растягивая в улыбке накрашенные губы. – Не забудь: в понедельник.

– Ага, – отвечаю. – Счастливо.

И только когда они разворачиваются и удаляются, покачивая бёдрами, я понимаю, что дрожу, что мама за всё время разговора так и не убрала руку с моей спины и что теперь она ведёт меня к машине.

– Похоже, эта Сюзанна очень милая. Вы довольно долго болтали.

Дольше, чем с кем-либо из ровесников с того самого случая, вот что она имеет в виду.

– Типа того.

– Твоя подруга? – спрашивает папа.

– Ужасная женщина, – едва слышно бормочет мама. – По крайней мере, была в старшей школе. Но уверена, дочка у неё очаровательная, – добавляет она, мельком взглянув на меня.

Потом протягивает мне несколько сумок, чтобы я сложил их в багажник, и шепчет:

– Здесь тебе будет легче, дорогой.

Я киваю, хотя в глубине души очень в этом сомневаюсь.

Родди

Тогда, в Бостоне, «все» пришли к выводу, что мне стоит некоторое время не ходить в школу, чтобы «обдумать» несчастный случай и переезд. «Все» – это (в порядке значимости): 1) доктор Горман, мой психотерапевт; 2) мама; 3) папа и 4) мисс Лодри, мой старый школьный психолог.

Меня в список «всех» не включили, поскольку никого не интересовало, что я там себе думаю: они просто договорились, что дадут мне неделю.

Не знаю точно, что должно было произойти за эту неделю, но сейчас, в пятницу, когда родители везут меня записываться в палм-нотскую среднюю школу, я по-прежнему чувствую себя совершенно так же, как в день приезда.

– Просто подожди там, – говорит мама Родди, указывая на стул в углу. – Уверена, мы ненадолго. А потом сразу в старшую, ладно?

Родди пожимает плечами и падает на стул, попутно выуживая из кармана мобильный телефон:

– А, пофиг.

Мама спрашивает что-то у секретарши.

– Да, конечно! – отвечает та. – Мистер Бизли вас ждёт.

В этот момент дверь у неё за спиной открывается и входит грузный мужчина в слаксах и при галстукe.

– А вот и он, – заявляет секретарша, сияя так, словно фо-

курс с материализацией удался.

– Здорово, приятель! – гнусавит мистер Бизли, мой новый директор, хлопая меня по спине, будто мы давно знакомы.

Пора бы уже принять закон, запрещающий посторонним называть вас «приятелем». И хлопать по спине.

– Миссис Оукли говорит, – продолжает он, кивая на секретаршу, – в Бостоне ты был круглым отличником. А родители – что любишь кататься на скейте, так?

Все смотрят на меня (кроме Родди – тот не отрывает глаз от телефона). А я притворяюсь, что разглядываю лаковые туфли мистера Бизли, такие же блестящие, как его лысина. С недавних пор у меня большой опыт разглядывания обуви.

– Итан? – вмешивается папа. – Мистер Бизли спросил, любишь ли ты кататься на скейте.

– Больше нет, – бормочу я лоферам мистера Бизли, которые в ответ неловко пятятся.

Мистер Бизли ещё минут десять распинается о палмнотской средней школе, пока его не прерывает секретарша.

– Вам звонят. Некая Адина Джессап. Возьмёте?

Несмотря на всю мою неучтивость, мистер Бизли не берёт трубку, пока дважды не повторяет, как он счастлив, что отныне я учусь в седьмом классе. А на выходе миссис Оукли даёт мне здоровенный сникерс. Просто так.

Потому что родители уже рассказали им.

Но держу пари, если бы они знали всё, то не были бы такими дружелюбными.

Убедившись, что никто не смотрит, я сую шоколадку в мусорку.

Если бы мистер Бизли и миссис Оукли знали всё, они, вероятно, обращались бы со мной даже хуже, чем Родди.

Вот и сейчас: брат плечом распахивает дверь на парковку – как раз настолько, чтобы успеть пройти и дать ей захлопнуться, не придержав для меня.

Не знаю, за что он меня ненавидит – за мой поступок или за вынужденный переезд. Хотя думаю, что и за то и за то.

Я его понимаю. На месте Родди я бы тоже не хотел уезжать из Бостона.

* * *

Родди был шорт-стопом в школьной бейсбольной команде, лучшей в своей лиге. А в следующем, предвыпускном году должен был стать стартером³. Это значило бы, что он попадёт в поле зрения скаутов⁴: тренеры даже говорили, что у него может быть шанс сыграть за колледж. А Родди мечтал играть за «Бостон колледж» с тех пор, как впервые попал битой по мячу.

³ *Шорт-стоп* – игрок обороняющейся команды, находящийся между второй и третьей базами; база – одна из четырёх ключевых точек на бейсбольном поле. *Стартер* – игрок, выполняющий первую подачу в матче.

⁴ Скаут – в профессиональном спорте человек, занимающийся поиском и подбором кандидатов в состав своего клуба.

Иногда он таскал нас с Кейси на игры «Ред Сокс», если, конечно, никто из друзей не мог пойти. Мы всегда сидели на самом верхнем ряду, откуда даже здоровенный экран казался размером с ноготь, но Родди аплодировал и подбадривал каждого бэттера⁵ так же яростно, как если бы сидел прямо за домашней базой. Когда происходило что-то крутое, например, Ортис⁶ делал хоум-ран⁷, он вскакивал с места, свистел, хлопал меня по спине и ерошил Кейси волосы.

Кейси так часто была рядом, что, думаю, Родди считал её кем-то вроде младшей сестрёнки.

Незадолго до трагедии я как раз набрался смелости сообщить Родди, что подумываю записаться в команду средней школы, и спросить, не поможет ли он мне потренироваться. Обычно мне подавала Кейси, поскольку я думал сперва подучиться, а уж потом обращаться к нему: не хотел заставлять Родди волноваться из-за того, что знакомые увидят, как он бросает мяч своему растяпе-братцу.

Родди так хорош в бейсболе, что у него всегда было много друзей и много девчонок, которым он нравился. Но ему нужна была только Грейс.

Они начали встречаться прошлой осенью и с тех пор про-

⁵ Бэттер – игрок нападения, отбивающий мячи битой.

⁶ Дэвид *Ортис* – знаменитый бэттер, игравший за «Бостон Ред Сокс» в 2003–2016 годах.

⁷ Хоум-ран – завершение розыгрыша, после которого бэттер, отбив мяч, успевает пробежать через все базы и вернуться на домашнюю.

водили вместе почти каждый день – вплоть до того момента, как мы переехали. Я бы даже сказал, что, судя по тому, с какими безумными глазами Родди слонялся по дому после свиданий, он реально влюбился. А как-то раз, когда я катался возле дома на скейте, он пришёл домой, что-то напевая и даже подпрыгивая от возбуждения. «Однажды, братишка, ты всё поймёшь. Ты узнаешь, каково это – так сильно любить девушку, чтобы даже жизни за неё не пожалеть, – заявил он. А потом улыбнулся и подмигнул: – Кто знает, может, это будет Кейси».

Я боднул его в плечо, потому что он знал, что у нас с Кейси всё совсем не так, да и зачем мне подружка?

Я понимаю, почему брату так нравится Грейс. Она пахнет фруктовым садом и всегда обнимает меня, когда видит. Кейси она тоже нравилась. Грейс даже показала ей, как заплетать волосы в какие-то особые косички. А после трагедии принесла мне шоколадного печенья. Я такого не ем, но с её стороны это было очень мило.

Прежде чем зайти в здание старшей школы, Родди настаивает, чтобы мы остановились у бейсбольного поля: хочет его пощупать.

На ромбе ни единой травинки, сплошная грязь. К тому же он весь порос вьюнком, который расползся во все стороны, как щупальца гигантского кальмара.

Мы молча стоим, слушая нестройный хор москитов: ка-

жется, они нас преследуют.

– На таком поле никто играть не будет, – говорит наконец Родди. – Бьюсь об заклад, у них здесь даже команды нет, не говоря уже о скаутах.

Его голос срывается. Он плюёт на ржавую проволочную сетку, потом пинает её, и этот надрывный блямс ещё долго отдаётся у меня в животе.

Что происходит в мой первый школьный день

1. Я врезаюсь в фонарный столб на парковке. Полагаю, в этом главный недостаток хождения с опущенной головой. Остаётся только доковылять до туалета и подождать, пока остановится кровь, поэтому я опаздываю в класс.

2. Сторож забыл поставить ещё одну парту, и мне приходится сидеть за столом мисс Сильвы, ко всем лицом.

3. Мистер Бизли объявляет по громкой связи на всю школу о «новом пополнении в дружной семье Палм-Нот», которое нужно «встретить с распростёртыми объятиями». Все смотрят на меня.

4. На физре мы играем в футбол, и тренер Слаггз первым делом просит капитана одной из команд взять меня к себе. Это даже хуже, чем если бы меня вообще не брали играть.

5. После физры миссис Оукли требует, чтобы я пошёл с ней сдавать тесты. Мол, это нужно для того, чтобы у учителей были «актуальные данные» об «уровне моих знаний». Так что остаток дня провожу, заполняя бумажки.

6. Не считая обеда. Который мне приходится жевать в одиночестве, поскольку миссис Оукли забывает вовремя меня отпустить, чтобы я пообедал вместе с остальными. Интересно, злится ли Сюзанна из-за того, что не может меня всем продемонстрировать?

7. После уроков мамина машина оказывается первой в очереди на разъезд, а сама она так истерично машет рукой, пока я топаю к стоянке, что группа восьмиклассников захватывается оглушительным ржанием.

Семейный лад

– Ну что, Итан, как тебе новая школа? – спрашивает папа, хрустя куском подгоревшего рулета. У мамы вообще всё подгорает, потому что она вечно отвлекается и забывает про духовку. Вспомнит, например, что-нибудь насчёт инструкции, которую редактирует, и сразу бежит записывать. Или решит, что времени до готовности начос как раз хватит, чтобы сложить чистое бельё.

– Нормальная, – отвечаю. И добавляю: – Весьма и весьма, – поскольку родители предпочитают развёрнутые ответы. Так они меньше нервничают.

– Учителя понравились? – продолжает допытываться папа. – Насколько компетентными выглядят?

– И как, спрашивается, Итан должен догадаться, компетентные учителя или нет? – вмешивается Родди. – Ему всего двенадцать!

– Я задал вопрос *Итану*, – говорит папа, поправив очки, и окидывает Родди суровым взглядом. Папа у нас невысок ростом, тощ и бледен, так что ему приходится стараться изо всех сил, чтобы выглядеть сколько-нибудь устрашающим. – Тебя я расспрошу позже.

– Можешь не утруждаться, – бормочет Родди, с размаху втыкая вилку в стручок фасоли. Но тот ускользает, и брат снова заносит своё оружие.

– Прекрати! – вскрикивает мама. – Ты так все тарелки переколотишь.

Скрипит, открывшись и снова закрывшись, входная дверь, и через пару минут из кухни появляется дедушка Айк. Сегодня я его ещё не видел. Мамины макароны с сыром, рулет и стручковая фасоль его не интересуют: на тарелке лежат только сэндвич с ветчиной и горчицей да горстка чипсов с солью и уксусом. То есть ровно то же, что он ест каждый вечер с тех пор, как мы здесь.

Мама закатывает глаза и переглядывается с папой.

– А я тебе еды наготовила, Айк.

Я точно не знаю, почему мама называет своего отца Айком. Или почему он отказывается есть то, что она готовит.

Я вообще мало знаю о маминых взаимоотношениях с дедушкой Айком, не считая того, что в Бостоне мама никогда о нем не упоминала. Мне казалось, это потому, что, заговорив о дедушке Айке, мама сразу вспоминала о бабушке Бетти и это её расстраивало.

Дедушка Айк, и глазом не моргнув, плюхается на стул по соседству со мной.

– Старую собаку новым трюкам не научишь, верно, Итан? – говорит он, откусывая здоровенный кусок сэндвича, и мама издевательски смеётся.

Они явно не ладят. Может, именно поэтому мы никогда раньше сюда не приезжали.

Глядя, как Родди старается загарпунить добычу у себя в

тарелке, папа начинает нервно постукивать пальцами по столу, словно по клавиатуре: обычное дело, когда он чем-то озабочен. По профессии он программист и слишком много времени проводит за компьютером.

– Итан? – напоминает мама. – Папа задал тебе вопрос. Тебе понравились учителя? И что насчёт Сюзанны? Ты с ней сегодня говорил?

– Это уже три вопроса, – поправляет дедушка Айк. – И как мальчик должен ответить на все три, сидя за столом? Бога ради, он ведь поесть пытается!

– Есть тут всё равно нечего, – снова встречается Родди. – Даже стручковая фасоль подгорела – вот уж не думал, что такое возможно.

Мама с грохотом роняет вилку в тарелку. Её щеки вспыхивают, а губы поджимаются. Похоже, она никак не может решить, орать ей или плакать.

– Посуду моете сами. Я иду наверх, – угрожающе тихим голосом говорит мама и, громко топая, выходит из столовой. Минуту спустя мы слышим, как хлопает дверь. Папа продолжает жевать, яростно барабанив по скатерти. Родди хватается за бейсболку, которую мама заставляет снимать за столом, и снова её напяливает. Он носит две по очереди: то с эмблемой Бостонского колледжа, то с надписью «Ред Сокс». Сегодня это «Ред Сокс». Дедушка Айк приканчивает последний кусок сэндвича и идёт в гостиную включить телевизор.

Никто здесь ни с кем не ладит.

Никто не счастлив.

– На первый взгляд, учителя неплохи, пап. – Слишком поздно, но я хотя бы пытаюсь изобразить некоторое воодушевление. По крайней мере на это меня хватает. Потом набиваю рот хрустящей пастой. – И передай маме, что я похвалил макароны.

– Вот подхалим, – бормочет Родди.

Второй школьный день

На следующий день мисс Сильва, которая преподаёт английский и обществознание, первым делом просит меня встать и представиться, хотя мистер Бизли уже сделал это по громкой связи.

– Я подумала, вдруг ты хочешь рассказать нам немного о себе, – говорит она.

И ошибается.

Но, по крайней мере, сегодня у меня есть парта – пусть и в задних рядах.

Я поднимаюсь, отодвигая стул, и инстинктивно морщусь, когда он издаёт мерзкий скрип. Сюзанна, по очереди поманив меня всеми своими пальцами, подпирает подбородок кулаком.

– Гм, – начинаю я.

– Может, сперва представишься? – вполголоса подсказывает мисс Сильва.

– Я Итан, – говорю я парте, внимательно разглядывая вырезанную угловатыми буквами надпись «СДЕСЬ БЫЛ ЭД-ДИ». – Из Бостона.

Глаз я не поднимаю, но думаю, что мисс Сильва сейчас ободряюще кивает и улыбается. Судя по туфлям, украшенным пурпурными бантиками, она из тех учителей, кому это свойственно.

– Может, хочешь рассказать о чём-то, что нам стоит знать, Итан? Какое-нибудь хобби, забавные факты?

– Гм. Не думаю.

Слегка даю петуха на «у» и слышу чей-то шёпот. Сосредотачиваюсь на том, чтобы не покраснеть.

– Что ж, уверена, скоро мы узнаем тебя получше, – говорит мисс Сильва. – Можешь садиться.

Подогнувшиеся ноги с благодарностью роняют меня обратно на стул.

Мисс Сильва что-то говорит о проекте диорамы, но у меня страшно гудит голова, и я ничего не понимаю.

Помню, какой школа была для меня раньше. Когда у меня была Кейси. В Бостоне я без всякого смущения выступал перед классом. Случись мне ляпнуть какую-нибудь глупость, она бы потом беззлобно пошутила на этот счёт и мы бы вместе посмеялись. А если бы дал петуха, она бы тотчас меня передразнила, я бы толкнул её в плечо и она толкнула бы меня в ответ.

Сплошная веселуха.

Я отгоняю воспоминания и снова пялюсь на надпись «СДЕСЬ БЫЛ ЭДДИ». Интересно, где сейчас тот Эдди? Сколько ему было, когда он вырезал здесь своё имя? Наверняка давно вырос.

Не каждому дано вырасти, бурчит голос у меня голове. Может, от Эдди только и осталось, что эти нацарапанные на парте буквы – словно выбитая на надгробии эпитафия. Или

имя Кейси на том счёте.

Я отвожу глаза.

После классного часа у нас вместо физры час здоровья – до самого звонка конспектируем видео о причинах рака. Завтра к нам придёт какой-то приглашённый эксперт, поговорим о вреде канцерогенов. Кажется, от перемены школы некоторые вещи не меняются.

Следующим уроком – естествознание с мистером Чарльзом, чьи совершенно побелевшие жидкие волосёнки торчат в разные стороны, как пух одуванчика, но борода при этом на удивление густая и чёрная. Когда я вхожу в класс, он крепко сжимает мою бледную руку своей тёмно-коричневой и энергично встряхивает.

– Рад познакомиться, Итан, – говорит он мне, совсем как дедушка Айк.

Будто я взрослый.

– У нас здесь места ни за кем не закреплены, – продолжает мистер Чарльз. – Так что занимайте любое свободное. Вот задание, которое я бы попросил вас сделать. Не торопитесь, время есть, мы в этом разделе пока недалеко продвинулись. Потом дам ещё кое-какие расчёты.

Киваю, забираю папку. К тому времени, как я оборачиваюсь, все уже расселись, осталось только два свободных места.

Сюзанна кивает на одно из них – в третьем ряду, бок о бок с ней. Другое – чуть дальше, рядом с нескладным парниш-

кой: жирные волосы и прыщи. Я тащусь по проходу, держа курс на Сюзанну.

– Ты же не станешь садиться с Германом? От него воняет, – шипит она, наморщив нос, и помахивает рукой, словно пытаясь отогнать неприятный запах, потом хихикает.

Я собираюсь расположиться рядом с ней, но краем глаза замечаю, как опускаются плечи Германа, и задумываюсь. Может, Сюзанна и популярна, но то же можно сказать и про Кейси, а она не стала бы ни над кем издеваться, что бы о нём ни думала.

– Лучше сяду сзади.

– Как хочешь, – пожимает плечами Сюзанна, косясь на меня.

Сажусь рядом с Германом. Тот слегка улыбается. Впрочем, Сюзанна была права: от него воняет. Лежалыми чипсами.

Растерянно улыбаюсь в ответ, и он раздувается от гордости, будто рыба-шар. Но я не уверен, что готов его поощрять. Не уверен, хочу ли, чтобы моим первым другом в палм-нотской средней школе стал парень-вонючка. Не уверен, хочу ли вообще заводить друзей.

И заслуживаю ли чьей-то дружбы.

Воспоминания

Вернувшись в тот день из школы домой, я вижу, как папа пытается вытолкать «недвижимость» дедушки Айка из гаража на подъездную дорожку, где уже высятся штабеля коробок. Я впервые вижу этот пикап, даже более старый и ржавый, чем тот, который дедушка Аик водит сейчас. Сам дедушка Аик изо всех сил упирается в борт, пытаясь затолкать машину обратно в гараж.

– Нельзя его выбрасывать, – утверждает дедушка Аик. – Это моя собственность. Антиквариат, можно сказать. К тому же на днях я собирался его починить.

Родди приваливается к стене гаража, наблюдая эту картину.

– А дед прав, пап, – наконец говорит он. – Нельзя его просто так выбрасывать.

В итоге папа, вскинув руки, признаёт поражение и гордо удаляется в дом.

Перед ужином я поднимаюсь к себе в комнату и усаживаюсь на подоконник. Потом долго смотрю, как ветерок раздувает бороды испанского мха, свисающие с деревьев, и как медленно пересыхает во время отлива болото, отдавая всю свою воду океану. Идиллическая картинка, если бы не доносящийся из комнаты Родди эмо-рок, от которого трясутся стены. С тех пор, как мы сюда переехали, он постоянно слу-

шает эту дрянь.

Через некоторое время я встаю и выношу на свет ту фотографию в рамке, что заметил на комодe ещё в первый мой вечер здесь. Это чёрно-белый портрет женщины, в которой я узнаю бабушку Бетти. Оседлав велосипед, она остановилась под водопадом зелёных ветвей: волосы повязаны платком, голова от смеха запрокинулась назад. В одном из скруглённых уголков фото – нечто размытое, смазанное, будто тот, кто делал снимок, случайно закрыл край объектива пальцем.

Бабушка Бетти умерла от рака, когда мама была ещё совсем маленькой, так что фотографии для меня – единственный способ хоть как-то с ней встретиться. Всякий раз, когда мама заговаривает о бабушке, всё заканчивается слезами, так что мы с Родди не особенно и расспрашиваем.

Интересно, нарочно ли дедушка Айк оставил фотографию именно в моей комнате или она всегда здесь стояла? Что-то в том, как он смотрел на неё в тот вечер, словно хотел, чтобы я заметил, подсказывает, что нарочно, специально для меня.

Я ещё некоторое время глазею в окно, пока скрип половиц не заставляет меня обернуться.

В дверях стоит мама с корзиной белья под мышкой.

– В Бостоне ты никогда так долго не сидел спокойно, – едва слышно вздыхает она.

Думаю, боится того, о чём я думаю.

Хотя, например, сейчас я представляю, что бы мы с Кейси

делали, будь она здесь. Наверное, плавали бы на байдарке по болоту, на спор делали бы сальто назад в воду или обнимались бы с аллигатором.

Пальцы поглаживают шрам, который остался у меня с прошлого лета, когда наше с Кейси каноэ опрокинулось и она случайно двинула меня в челюсть веслом. Восемь швов тогда наложили.

Кейси всегда ходила с нами в семейные походы. Летом перед пятым классом, стоило только добраться до лагеря, родители отправили нас двоих за водой. Но когда наши налобные фонарики осветили насос, оказалось, что рядом с ним сидел скунс, с интересом на нас поглядывая. С минуту, наверное, он на нас смотрел, потом повернулся и заковылял прочь со всех своих коротких лап (что было, честно говоря, довольно-таки медленно).

Стоило, конечно, знать, что гонять его не стоит. По правде сказать, мы это знали. Но так же веселее! Нам даже не пришлось брать друг друга на слабо, мы просто бросились за ним в темноту.

Мама тогда заставила папу отвезти нас обоих обратно в город. Всю дорогу мы мчались с открытыми окнами и остановились только у магазина, чтобы папа мог скупить весь томатный суп, какой только смог найти. Вернувшись домой, он наполнил им детский бассейн, и нам с Кейси, чтобы вывести запах, пришлось принять на заднем дворе ванну из томатного супа, хотя была уже середина ночи.

Лишь на следующий день мы осознали, что, должно быть, гнались за этим скунсом прямо через заросли ядовитого плюща.

Когда в понедельник мы снова пошли в школу, то воняли так сильно, что никто не хотел сидеть с нами рядом, и яростно чесались: медсестре даже пришлось забинтовать нам лодыжки, чтобы сдерживать зуд. В том году новых друзей у нас так и не появилось. Но оно того стоило.

И только когда у меня сводит щеки, я понимаю, что губы растянуты в дурацкой ухмылке. И стираю её с лица быстрее, чем после пощёчины.

Корали

На следующий день Сюзанна только надувает губы в ответ на моё «Доброе утро», и я даже немного расстраиваюсь, что не сел вчера с ней рядом. Поэтому, придя в спортзал на час здоровья, подсаживаюсь поближе и слушаю, как доктор распинаятся о вреде курения и раке лёгких. Пока он с помощью манекена демонстрирует последствия пассивного курения, Сюзанна втихую знакомит меня с Мэйси, веснушчатой курносой девочкой, которая, насколько я видел, постоянно вокруг неё вертится, и Дэниэлом. Оторвав наконец взгляд от его чёрных кроссовок с пухлыми языками, я узнаю капитана футбольной команды, которому на физре пришлось принять меня к себе. По его вечно угрюмой физиономии трудно что-то понять, но сомневаюсь, чтобы он был рад со мной познакомиться.

– Семья Итана переехала сюда, чтобы заботиться о бабушке, – шепчет им Сюзанна. – Он же умирает или что-то вроде того, да? Мне так мама сказала.

– Гм... – отвечаю. – Вовсе нет.

И решаю, что на естествознании снова сяду с Германом.

Все, кроме меня, приносят на естествознание диорамы. Герман объясняет, что седьмой класс ездил на экскурсию в какой-то заповедник, где сохраняют популяцию волков, и им задали при помощи диорамы воссоздать увиденную экоси-

стему.

– Не волнуйся, – говорит он. – Уверен, мистер Чарльз и не думал, что ты её принесёшь.

– Вы что, и правда волков видели? – спрашиваю я, не в силах сдержать любопытство.

Герман кивает. Сегодня от него воняет чуть меньше.

– Рыжие волки. Они вроде обычных, но меньше и...

– Рыжие? – подсказываю я.

– Точняк, – соглашается Герман. – Вымирающий вид или типа того.

Мистер Чарльз спрашивает, есть ли добровольцы.

– Я пойду, – вызывается Сюзанна, подняв холёную руку с пурпурными ногтями.

Мистер Чарльз жестом просит её выйти вперёд. Мэйси шепчет что-то Сюзанне вслед, та хихикает, надувает пузырь из жвачки, лопает его и откашливается.

– Э-эм...

– Стоп! – командует мистер Чарльз. – Выплюньте жвачку.

– Мне так проще сосредоточиться!

– Выплюньте.

Сюзанна вздыхает, неторопливо идёт к мусорке и выбрасывает свою жвачку. Потом, выставив диораму на стол, чтобы показать её классу, достаёт тонкую стопку карточек с текстом.

– Как я уже сказала, – начинает она снова, – моя диорама изображает волчицу с волчатами. Весной среднестатистиче-

ская волчица приносит до девяти волчат. Логово она предпочитает устраивать у ручья или в узких тёмных...

Я понимаю, что наблюдать за шестиклассниками, расквашивающимися на уличных турниках, куда интереснее, чем слушать монотонную трескотню Сюзанны, от которой меня тянет в сон.

Должно быть, я всё-таки засыпаю, поскольку, услышав грохот распахнутой настежь двери, от неожиданности подпрыгиваю чуть ли не до потолка. К счастью, замечает это только Герман.

А Сюзанна так и остаётся стоять с раскрытым ртом, глядя на девчонку, которая в эту распахнутую дверь вошла.

– Ой, – говорит девчонка, раскидывая руки и ноги в стороны на манер морской звезды. – Я и забыла, что эти двери от малейшего пинка отлетают. Надеюсь, не перебила?

– Вы, должно быть... – поднимается мистер Чарльз.

– Так точно, сэр, Корали Джессап. Прибыла для несения службы. Рада знакомству, сэр.

– Тебя не должно здесь быть! – шипит Сюзанна, в запале уронив одну из своих карточек. – Ты же в Атланте!

Корали, не ответив, обходит Сюзанну по большой дуге и пожимает мистеру Чарльзу руку. Для седьмого класса она выглядит слишком маленькой и тощей, и я спрашиваю себя, не в шестой ли ей было нужно. Локти и колени торчат из длинных шорт – точнее, обрезанных брюк – и розовой футболки, каштаново-смуглое лицо обрамляют десятки тонень-

ких косичек, на губах играет хитрая улыбка.

Сюзанна растерянно переводит взгляд с Корали на мистера Чарльза, словно пытается решить в уме сложную математическую задачу.

– Нет, ты почему здесь? – не понимает она. – Ты же больше у нас не учишься! И вообще живёшь в Атланте!

Корали, наконец обратив на неё внимание, вскидывает бровь.

– Правда? – переспрашивает она. – Найденные доказательства не подтверждают вашу теорию.

Рядом со мной фыркает Герман. Кто-то из ребят хихикает, другие перешёптываются.

– Вижу, с научными методами вы знакомы, – говорит мистер Чарльз. – Но, может быть, пока присядете? Мисс Кэрроуэй как раз дошла до самого захватывающего момента своей презентации, и мне не хотелось бы оттягивать его ещё дольше.

– Спасибо, мистер Чарльз, – вздёргивает подбородок Сюзанна. Впрочем, интонация мистера Чарльза заставляет меня сомневаться, что он захвачен её презентацией. – Как я уже сказала, волчица предпочитает устраивать логово у ручья или в тёмных...

Корали вприпрыжку мчится по проходу в мою сторону и падает на свободный стул.

– Это моё место! – вопит Сюзанна.

Корали отдёргивает руки и подскакивает, словно села на

раскалённые угли.

– Надеюсь, ничего не подхватила! – хмыкает она, вызвав ещё несколько смешков. Мэйси кривится так, будто съела лимон, но не отрывает взгляда от Корали, которая перебирается на соседний стул, по диагонали через проход от меня.

– Устраивайтесь потише, мисс Джессап, – ворчит мистер Чарльз.

Корали молча показывает ему два больших пальца и обобщивается, чтобы перекинуть через синюю пластиковую спинку стула рюкзак. Потом замечает меня и с минуту разглядывает.

– А ты, значит, новенький.

– Как и ты, – отвечаю.

Она качает головой.

– Как многого ты ещё не знаешь, новенький.

Путешествия во времени

На английском Сюзанна пишет мне записку: «Го сѣдня хавать?☺»

Кейси тоже писала мне записки.

Только скатывала их в шарики, как футбольные мячи, а не складывала квадратиком, как Сюзанна. И бросала, когда учитель отворачивался написать что-нибудь на доске. «Pizza después de la escuela?»⁸, если мы сидели на испанском, или «См0Зшь сег0дня мат4?» на математике.

Буквы у Сюзанны огромные, скачущие. А у Кейси почерк был ровный, бисерный – сразу и не скажешь, мальчик пишет или девочка. Он до сих пор иногда встаёт у меня перед глазами, словно эти аккуратные буквы процарапаны прямо в мозгу.

Я сминаю записку, пока её не заметила мисс Сильва. Сюзанна поглядывает выжидающе, остальные дописывают словарный диктант. Я едва заметно киваю и неловко ухмыляюсь.

Мисс Сильва раздаёт нам по экземпляру романа о путешествиях во времени, который я уже читал в старой школе. Но я молчу. Во-первых, не хочу, чтобы она дала мне другую книгу. Во-вторых, роман мне очень понравился. И в-тре-

⁸ «Пицца после школы?» (исп.)

тых, в последнее время я вообще не особенно разговорчив.

Корали, сидящая в другом конце класса на подоконнике, поднимает руку. Похоже, никто не вспомнил, что ей тоже нужна парта.

– Да, Корали? – спрашивает мисс Сильва.

– Мисс Сильва, но это ведь книга о путешествиях во времени?

– Верно, – кивает мисс Сильва. На ней сегодня оранжевое платье, волосы собраны в небрежный пучок.

– Но при этом пишут, что это историческая проза, – говорит Корали, демонстрируя задник обложки. Я переворачиваю оборотной стороной свой экземпляр с оторванным углом – и, разумеется, надпись в правом нижнем углу гласит: «Историческая проза».

Сосед Дэниэла, которого, как мне помнится, зовут Джон или Джонни, закатывает глаза.

– Вот придурочная, – бормочет он.

– Так в чём твой вопрос, Корали? – терпеливо переспрашивает мисс Сильва.

– Ну, раз речь идёт о путешествиях во времени, не следует ли её классифицировать как научную фантастику, а не как историческую прозу? Разве исторической прозе не положено быть реалистичной? Получается, издатель считает, что путешествия во времени реальны?

Мисс Сильва прикусывает ноготь, потом, спохватившись, начинает постукивать им по нижней губе. Кажется, она

очень серьёзно отнеслась к словам Корали, поскольку отвечает не сразу.

– Вопрос, конечно, интересный, – наконец объявляет она. – Но, может, мы ответим на него, когда прочтём роман? Тогда всем классом и решим. Когда закончим, ты ещё сможешь вспомнить, о чём спрашивала?

– Это что, вызов? – ухмыляется Корали.

– Кто знает, кто знает, – улыбается в ответ мисс Сильва. – Может, к тому моменту мы все уже поверим в реальность путешествий во времени.

Но я знаю, чем заканчивается книга. И это нисколько не заставляет меня в них верить.

Хотя мне очень хотелось бы.

Что бы я исправил, если бы мог путешествовать во времени

1. Я мог бы убедить Кейси, что нам не нужно идти на ту дурацкую вечеринку.

2. А если бы это не сработало, я мог бы пробить гвоздём колеса в машине её отца, чтобы он не мог нас туда отвезти.

3. Или мог бы сказать ей, что хочу остаться на вечеринке с остальными ребятами.

4. Или упасть с лестницы и нарочно сломать ногу, чтобы ей пришлось везти меня в больницу.

5. Или просто не брать её на слабо.

6. Я бы столько всего исправил, будь у меня такой шанс.

Друзья нужны всем

В своё время в Бостоне доктор Горман дала мне разграфлённый блокнот и велела начать составлять списки. «Это может помочь тебе разобраться в своём мире и в себе самом, – сказала она. – Итана, которым ты был раньше, может, больше и нет, но у тебя есть шанс познакомиться с новым Итаном».

Сомневаюсь, что доктор Горман оценила бы мой список путешественника во времени. Сказала бы, что я «зацикливаюсь». Именно это слово она использовала, когда я рассказал, что пялюсь на окно Кейси.

Впрочем, она была права. Списки и правда помогают. Иногда я записываю их в блокноте, иногда составляю только в уме.

Вот и сейчас, в очереди в столовую, в голове у меня список продуктов, которые я любил в Бостоне и которых мне здесь не хватает: 1) овсяное печенье без изюма, испечённое миссис Рид, – Кейси ненавидела изюм; 2) сосиски с жареной картошкой.

Эти размышления помогают мне отвлечься от истекающего жиром куска пиццы, выглядящего так, будто в нём можно обнаружить волос или ещё что похуже.

Поэтому, лишь добравшись до кассы, я замечаю, что денег на обед, мятых однодолларовых бумажек, в углу моего подноса больше нет. Оглядываюсь по сторонам, ещё на шаг

приближаясь к кассе. На металлической стойке нет. На полу нет. Под тарелкой с жирной волосатой пиццей тоже нет.

И вдруг слышу чей-то смех. Оборачиваюсь – а там стоит дружок Сюзанны, Дэниэл, со своим соседом, коренастым таким парнем: кажется, это его подпевала. Оба зловеще хохочут.

Из-за их спин выглядывает, закусив губу, Сюзанна.

Всего два человека отделяют меня от кассы.

– Гм... Ты не видел моих денег? – спрашиваю я Дэниэла.

Тот прекращает ржать и с невинным лицом оборачивается к приятелю.

– Я не видел, Джонно. А ты?

Джонно искоса поглядывает на меня и качает головой, демонстрируя шербабую ухмылку.

– Слушайте... – начинаю я.

Но не успеваю я сделать вялую попытку убедить Дэниэла вернуть мои деньги, как Корали подходит к нему сзади, хлопая по плечу.

Дэниэл оборачивается и смотрит на неё, как на жужжащего над ухом комара.

– Чего тебе, пигалица?

– Верни новичку деньги. – Она едва достаёт ему до плеча, но, решительно уперев руки в боки и чуть расставив ноги, смотрит на него снизу вверх, как непреклонное деревце перед лицом урагана.

– С чего бы это? Кто меня заставит? – усмехается Дэниэл.

– Не похоже, чтобы с бабками у тебя было туго, – говорит Корали, ткнув пальцем в недешёвый лейбл на его рубашке. – Так в чём дело? Запугиваешь его, потому что решил, будто твоей девушке он больше нравится?

Я инстинктивно вскидываю голову. Так вот почему Сюзанна хочет со мной общаться? Я ей нравлюсь?

Бросаю на неё всего один взгляд – впрочем, достаточно долгий, чтобы увидеть, как она краснеет. Дэниэл расправляет плечи, ухмылка постепенно сползает с его лица.

– Она вовсе не моя девушка, – говорит он, тяжело дыша. – И вообще, откуда ты знаешь, что я не для тебя эти деньги спёр, а, Корали? Может, я хотел сделать тебе приятное. Мы все понимаем, как они тебе нужны.

Я мало что знаю о Корали, но вижу, что это уже за гранью.

– Эй, – говорю. – Это было...

– Давай уже, парень! – На меня в упор смотрит кассирша: подошла моя очередь. Я медленно тащу поднос вперёд.

Корали прищуривается.

– Может, и нужны, – говорит она. – Но не думаю, что мистер Бизли обрадуется, когда я скажу, что вы травите новенького. Разве травля теперь не запрещена?

– Два доллара пятьдесят центов, – сипит кассирша. На одной руке у неё болезненная сыпь, которую она всё время чешет. Тот невеликий аппетит, что у меня был, пропадает окончательно.

Я собираюсь было пробормотать, что передумал, но тут

Дэниэл швыряет мне мои деньги и приходится их ловить, прижимая долларовые купюры к груди. Я передаю их кассирше, и та перестаёт чесаться – ровно на столько, чтобы взять деньги.

Пока она отсчитывает сдачу, я слышу, как Дэниэл что-то бурчит себе под нос. Всецй тирады я разобрать не могу, но улавливаю слово «стукачка».

– А, не слушай его, – говорит Корали. – Он злится, поскольку знает, что я могу надрать ему задницу. И надеру.

Я забираю поднос и начинаю высматривать стол с наименее неприятными незнакомцами.

– Дэниэл с Джонно просто шутили, – лепечет подошедшая Сюзанна. – Это ерунда. Ты просто садись за наш стол, и они сразу поймут, что ты крутой, что ты один из нас.

Но я почему-то не хочу быть одним из них.

– Я вон там сажу, – слышится с другой стороны: это Корали указывает на розовый ланч-бокс тремя столиками дальше. – Хочешь со мной?

Корали уходит. Я на секунду задумываюсь, потом срываюсь с места, нагоняя её.

– Эй, – говорю я, – с чего такая щедрость?

Должно быть, вид у меня смущённый, потому что она смеётся и подталкивает меня в спину, направляя к столику.

– Друзья нужны всем, новенький. Даже таким чудикам, как ты.

Приглашение

Я сажусь, делаю глоток молока, и мир вокруг снова обретает фокус. Вот Сюзанна шепчется с Мэйси, потом бросает на меня короткий взгляд, откидывает назад волосы и отворачивается. Напротив, спиной ко мне, сидят Дэниэл и Джонно. Столик в дальнем углу делят Герман и его чипсы. Мистер Чарльз, поглядывая по сторонам, медленно кружит по столовой. Смех и болтовня накатывают на меня пенными волнами, словно океанский прилив.

А сидящая напротив Корали, открыв свой ланч-бокс, смотрит на меня, и в её глазах, совершенно мультяшных, с длиннющими густыми ресницами, сквозит беспокойство.

– Эй, ты как? – спрашивает она. – Выглядишь не очень.

– Я в норме.

– Как скажешь. – И она откусывает приличный кусок сэндвича с арахисовым маслом.

– Спасибо, что помогла, – добавляю я. – Хотя это было вовсе не обязательно.

– Как это не обязательно? – пожимает плечами Корали. – Дэниэл и Джонно постоянно деньги воруют, это всем известно. А Сюзанна – она... ну, Сюзанна. И знаешь, ты ей действительно нравишься.

– Во все нет, – твёрдо заявляю я. Ещё не хватало быть втянутым в какой-нибудь любовный треугольник.

– Тогда с чего бы ей рассказывать Мэйси, какой ты милый и загадочный? Я сама слышала в туалете.

Я не отвечаю. Вообще не хочу об этом говорить.

Но чувствую, что должен поддержать разговор, сказать что-нибудь нормальное, чтобы Корали не считала меня окончательным придурком.

– Пицца выглядит отвратительно. Жаль, не подумал взять обед с собой.

– Я всегда ношу своё, потому что вегетарианка, а в школе вегетарианское не готовят. Можешь себе представить? Разве это не полнейший идиотизм?

Я киваю, хотя, честно говоря, не испытываю особых эмоций по поводу отсутствия в меню запеканки из тофу.

– Что, даже не спросишь, почему это я вегетарианка? – подмигивает она.

– Ну так и почему?

– Потому что люблю животных. Особенно лошадей. Как считаешь, лошадям место на пастбищах или между булочками для гамбургеров? Кстати, знаешь, в некоторых странах действительно едят лошадей! И даже собак, морских свинок – да кого угодно. Какое домашнее животное ни возьми, его обязательно кто-нибудь где-нибудь ест. В паре мест в округе подают даже гамбургеры из аллигатора, что меня особенно злит, потому что я когда-то держала аллигатора.

Я пытаюсь угнаться за Корали, но она тараторит слишком быстро, особенно для Джорджии.

– Ты, наверное, мне не веришь, – продолжает она. – Ты не думай, многие не верят, только это всё равно правда. Я его совсем маленьким на окружной ярмарке выиграла, он был там призом в конкурсе, кто точнее мячик бросит. Назвала Крошкой и держала в ванне, пока он из неё не вырос. Потом пришлось отпустить, и больше я его не видела. Разве не грустно?

– Круто, – наконец отвечаю я. Это первое слово, которое мне удаётся найти, но, к моему удивлению, не последнее. – В смысле, сам факт, а не то, что ты его больше не видела. Вот моя мама тоже вегетарианка, но не думаю, что она бы мне позволила держать аллигатора в ванне.

– Круто, – эхом откликается Корали. – Насчёт мамы. – И ухмыляется. – А ты животных любишь?

– Думаю, да.

У Кейси был котёнок по кличке Трусишка, но сами мы животных не заводили из-за папиной аллергии на шерсть.

– Небось обидно, что пропустил экскурсию и не видел рыжих волков, а?

– Ещё как, – честно отвечаю я. – Мне было бы ужасно интересно.

– Вот кого стоило бы пожалеть, – заявляет Корали, потягивая сок из пакета. – Своим наплевательским отношением, охотой, капканами люди довели этих животных почти до полного истребления, а никто и слова не сказал! И ведь даже охотились на них не ради еды! По-моему, за каждым живым

существом должен кто-то присматривать: кормить, ласкать. Как ты считаешь?

Я киваю.

– Тебе стоит поспешить, – говорит она, глядя на мою пиццу. – Обед почти закончился.

– Ну и ладно. Я не голоден.

Правда, мама вовсе не считает это поводом выйти из-за стола. После трагедии я почти перестал есть: что ни положи в рот, всё на вкус как уголь, – так она грозилась отвезти меня в больницу и кормить через трубочку. И до сих пор любит следить за моей тарелкой и щёлкать зубами, заставляя доедать.

– Тебе задание уже выдали? – спрашивает Корали.

– Ага, – отвечаю, – там ерунда какая-то.

– Мне тоже. Хочешь, сделаем вместе после школы?

– Конечно.

Это слово вырывается само, я даже сперва не могу поверить, что произнёс его, поскольку весь день только и надеюсь побыстрее вернуться домой и посидеть в одиночестве на подоконнике. Чтобы можно было глядеть на болото и стараться не думать о Кейси. Но пока я придумываю способ дать задний ход и с честью выпутаться из ситуации, Корали уже выбирает место.

– Предлагаю пойти в библиотеку. Это совсем рядом, и у них есть солёные ириски.

– Конечно, – повторяю я, так и не дав оправданиям со-

рваться с губ. – Звучит неплохо.

Звенит звонок, мистер Чарльз кричит, чтобы мы не забыли убрать за собой. Я беру поднос с нетронутой пищей и думаю, что Дэниэл мог бы с тем же успехом не возвращать мне деньги.

По дороге из столовой меня догоняет Сюзанна.

– Зря ты сел с этой девчонкой. – Голос у неё совершенно ледяной, хотя щеки покраснели. Я поднимаю глаза: Корали идёт всего на пару шагов впереди. – Я старалась быть милой, старалась помочь тебе завести друзей... Я головой из-за тебя рисковала! Но, похоже, Дэниэл и Джонно были правы: тебе за нашим столом не место.

И, снова откинув волосы назад, гордо удаляется. А проходя мимо Корали, ещё и нарочно толкает ту в плечо.

Корали оборачивается, поднимает бровь.

– Что ж, думаю, тебе больше не стоит волноваться, нравишься ты ей или нет.

В библиотеке

– Не знал, что здесь есть библиотека, – говорю я.

Корали шагает рядом, расталкивая велосипедом толпу школьников, спешащих по домам или в «Рыбный дом» за порцией картошки фри и коктейлем. Кто-то из них кричит ей «привет», она в ответ улыбается или взмахивает рукой.

– Ну, *официально* это не библиотека, – признаёт Корали. –

Но так даже лучше.

– Из-за ирисок?

– Помимо всего прочего.

Лавируя между хаотично расплзающимися минивэнами, мы наконец выходим со школьной парковки.

Перед уходом я заскочил в кабинет мисс Сильвы и позвонил маме, сообщив, что хочу после школы позаниматься с другом. Сперва она не разрешила, но мысль о том, что я могу обзавестись друзьями, оказалась слишком заманчивой.

– А кто-нибудь из взрослых рядом будет? – только и спросила она.

Корали, даже не пытаясь скрывать, что подслушивает, кивнула.

– Да, мам, – смущённо ответил я.

– Позвони, как туда доберёшься, чтобы я могла поговорить с этим взрослым.

– Окей. – И я повесил трубку.

– Как считаешь, мама не слишком тебя опекает, а? – интересуется Корали, когда мы сворачиваем на Мейн-стрит.

– Гм, пожалуй.

– Можешь ей сказать, чтобы не волновалась. В Палм-Ноте ничего плохого не случается. Честно говоря, здесь вообще ничего не случается.

– А ты, значит, уже ходила в эту школу? Ну, раньше?

– Ага. – Теперь, когда мы выбрались из толчеи, она забирается на велосипед и, медленно крутя педали, катит рядом.

– И почему ушла?

– Стипендию получила. В школу-интернат в Атланте. Для вундеркиндов.

Я чувствую, как брови потихоньку ползут вверх.

– Так ты *вундеркинд*?

Никогда ещё не встречал вундеркинда. Может, этим и объясняется тот странный факт, что мысли Корали в сто тысяч раз быстрее моих.

– Это значит, что я гений.

– Я знаю. И в чем твоя гениальность? – спрашиваю я. – В смысле, какие у тебя выдающиеся способности?

– Скрипка, – коротко отвечает она, лениво наворачивая круги.

– А чего вернулась?

– Вышвырнули. Там на самом деле смешная история вышла.

Я жду, что она продолжит, но она молчит, не сводя с меня глаз.

– Можно мне её услышать?

Похоже, это волшебные слова, поскольку, едва я спрашиваю, она начинает трещать. И трещит без умолку всю дорожку мимо «Тексако», «Рыбного дома» и «Розовой пальмы». Словно птица, всю ночь прождавшая рассвета, чтобы начать свои утренние трели.

– В общем, музыканты ненавидят танцоров, потому что те вечно строят из себя, будто они круче нас, понимаешь?

Я вижу, как Герман переходит улицу и скрывается в «Песочнице» – вероятно, чтобы пополнить запасы чипсов.

– Короче, у нас с ними война, кто кого прикольнее разыгрывает. Ну и я придумала как-нибудь ночью пробраться к ним в танцевальный зал с парой ведер воды и средством для мытья посуды...

Пот течёт у меня по спине, бусинами собирается на лбу. А ведь мы не прошли и двух кварталов! Увидев широкий лист, упавший с одной из обступивших бухту пальм, я уже готов поднять его и обмахиваться, как веером.

Но прохожу мимо, поскольку это выглядело бы слишком странно.

– ...как здоровенная банановая шкурка. Вот. Была. Потеха, – продолжает Корали.

Рваная ослепительно-белая волна прокатывается по бухте, еле слышно разбиваясь о каменную стену. Блики на воде

сверкают так ярко, что мне приходится прикрыть глаза рукой. Совсем как в Бостоне, где солнце отражается от снега с такой силой, что можно даже обгореть, если вовремя не намазаться кремом.

От мыслей о снеге я внутренне содрогаюсь, хотя на улице жара в миллион градусов. И стараюсь сосредоточиться на рассказе Корали.

А та сипло хохочет:

– В этих своих джазовках они только и делали, что поскользывались и падали. Потом стали цепляться друг за друга и падать все вместе. Будто стая розовых фламинго.

Для пущего эффекта она пытается изобразить этих танцоров и машет во все стороны руками, прямо не слезая с велосипеда.

– Как костяшки домино, – выдавливают она, едва переводя дыхание от хохота. – Орут и валятся, орут и валятся. До такого даже я бы не додумалась.

При виде Корали, изображающей толпу падающих как доминошки балерин, я тоже не могу сдержать улыбки.

Под вывеской «Мак – товары для дома» Корали слезает с велосипеда.

– В общем, оно того стоило. Не считая того, что одна девчонка сломала лодыжку. За это меня и выгнали.

– Вот отстой!

– Да не, нормально. Мне всё равно не особенно нравилась Атланта. Я ведь деревенская девчонка.

Увидев, что Корали направляется к двери, я запинаясь, вспомнив, как в прошлый раз чуть было там не задохнулся.

– Я думал, мы идём в библиотеку.

– А мы и идём, – не моргнув глазом отвечает она. – Это здесь.

И наклоняется, чтобы почесать двух кошек, опять развалившихся на коврике.

– Итан, это Зора и Зельда. Зельда, Зора, познакомьтесь с Итаном.

– Встречались, – бормочу я, вспоминая своё постыдное бегство в первое утро после приезда в Палм-Нот.

Но следуя за Корали, пускай и без особого желания. В магазине по-прежнему пахнет землёй, но теперь я чувствую ещё запах резины и опилок. К тому же сегодня кондиционер работает немного лучше.

– Мак? – кричит Корали, оглядываясь по сторонам. – Мак! Это Корали!

Из подсобки появляется крупная женщина в комбинезоне и красном платке поверх дредов. Я узнаю в ней продавщицу, которая в прошлый раз предложила мне ириску. В обеих руках у неё по цветочному горшку, но, увидев нас, она ставит их на пол и утирает со щеки каплю пота.

– Корали? – переспрашивает она. – Ты ли это, девочка моя? Слышала, ты снова в городе.

– Собственной персоной! – стрекочет Корали, повисая у женщины на шее. Её крохотная фигурка почти скрывается

в могучих объятиях.

– Итан, это Мак, – объявляет Корали.

– Ой. Гм, ясно, – говорю я, пытаюсь скрыть удивление: мне почему-то казалось, что Мак – мужчина. Подхожу пожать ей руку. Она снимает грязную садовую рукавицу, протягивая грубую, как джутовый мешок, всю в глубоких царапинах ладонь. – Мне нравятся ваши кошки.

– Не обращай на него внимания. Ему тут пока немного... не по себе, скажем так, – фыркает Корали.

– Приятно познакомиться, Итан, – ворчит Мак, оглядывая меня с ног до головы. – Ты ведь здесь не ради солёных ирисок?

– Мы бы взяли немного, – перебивает Корали, прежде чем я успеваю ответить. – А зелёные яблоки у тебя есть?

– Есть, что греха таить.

– А ещё мы хотели узнать, можно ли воспользоваться библиотекой, – продолжает Корали. – Думали уроки поделать.

– Я-то не против, – отвечает Мак, – если, конечно, мама Итана возражать не станет.

Я снова звоню маме, на этот раз с телефона Мак. Та приносит пару успокаивающих фраз и кладёт трубку.

– Говорит, заедет за тобой в пять.

Потом лезет под прилавок, протягивает нам с Корали по три солёные ириски в вощёной бумаге и выпускает через заднюю дверь в тускло освещённую комнату, от пола до потолка заставленную пыльными книгами.

– Ух ты, – выдыхаю я, обводя комнату взглядом. Должно быть, здесь тысячи книг. У окна с видом на океан притулился простой деревянный стол, в углу, вокруг столика поменьше, сгрудились мягкий диван с двумя креслами.

– Будь как дома, Итан.

– Это все ваше? Круто!

– Что-то вроде коллекции, – усмехается Мак. – Я живу наверху, а здесь занимаюсь всякими исследованиями. И время от времени сдаю в аренду в качестве библиотеки. Для избранных, – подмигивает она моей спутнице. – Располагайтесь. Если понадобится, кричите громче.

Едва она выходит, Корали плюхается на диван.

– Вы родственницы? – интересуюсь я. – В смысле, ты и Мак?

Она качает головой.

– Магазин достался Мак после смерти отца, а до того она была учительницей английского. Маму мою учила, тётю, да вообще половину города. Некоторые из этих книг у неё уже пару десятков лет стоят. Чудесное местечко, скажи?

– Ага, – отвечаю я, вне себя от радости, что не стал придумывать отговорку, чтобы не ходить. – Просто шикарное.

Урок вождения

Мы с Корали как раз успеваем закончить половину задач по математике и большую часть погодных карт по естествознанию, когда я слышу из магазина голос Мак:

– Итан, карета подана!

– Ещё минуточку! – вопит в ответ Корали.

– Тебя подвезти? – спрашиваю я. – Думаю, мама не откажет.

– Да ладно, – зевает она. – Я, наверное, ещё посижу, книжку какую-нибудь почитаю, а потом на велосипеде доеду. Но спасибо.

– Нет проблем, – говорю я, закидывая на плечо рюкзак.

– Приятно познакомиться, новенький, – хмыкает она мне вслед, при этом лицо расплывается в озорной улыбке. – Завтра в то же время?

– Ага, было бы круто, – отвечаю я.

И понимаю, что это и в самом деле так. Было бы круто снова потусоваться с Корали.

Пока я иду к двери, Мак умудряется сунуть мне ещё одну ириску.

– На дорожку, – бурчит она. – Надеюсь ещё увидеть тебя в наших краях.

Я благодарю её, машу на прощание рукой и пробираюсь к двери, высматривая наш «субару». Но, совершенно забыв

про Зору и Зельду, спотыкаюсь о них. Одна из кошек шипит на меня, выгнув дугой спину.

Тут, перекрыв её сетования, над улицей разносится мощный гудок, и я замечаю ржавый пикап дедушки Айка.

– Вот уж не думал, что ты за мной придёшь, – говорю я, распахивая дверь. Та издаёт протяжный стон.

– Твоя мама опять сожгла ужин. – Жидкую шевелюру дедушка Айк прикрыл красной бейсболкой с настолько выцветшим логотипом, что я не могу его разглядеть, и натянул громоздкую кожаную куртку, хотя сейчас, должно быть, градусов тридцать. – Весь день капризничала, – продолжает он, взмахнув рукой, – жаловалась на кухню: совсем, мол, я её запустил, и что-то ещё про лежачий камень. Даже маляров вызвала, прицениться. В общем, была слишком занята, чтобы заметить, что запеканка уже два часа в духовке. Дыму полон дом, топор можно вешать, а кто виноват? Конечно, я: не почистил духовку. Придушил бы, да... – Дедушка Айк осекается. Он только что нарушил одно из главных правил доктора Горман, о котором она, думая, что я не слышу, говорила маме после одного из приёмов: не поднимать тему смерти, пока я сам этого не сделаю.

Должно быть, дедушка Айк сознаёт, что сглупил, потому что откашливается и предлагает мне горсть семечек.

Я качаю головой.

– Итан, я не...

– Всё в порядке, – перебиваю я. Не хочу, чтобы дедушка

Айк передо мной извинялся, будто я на сто частей разорвусь, если он что не так скажет. И на всякий случай добавляю: – Я тоже в порядке.

Мы уже выехали за город и теперь катим мимо клубничных грядок. Вдоль дороги попадаются деревянные ларьки, в которых обычно продают свой товар фермеры, но все они пусты. У одного из таких ларьков дедушка Айк резко сворачивает на обочину.

– Ты чего?

– Тебя кто-нибудь машину водить учил?

– Нет, если не считать картов. – Мы с Кейси часто ходили на картодром. – Мне ведь всего двенадцать. Это...

– На два года больше, чем было мне, когда я сел за руль. Давай-ка поменяемся. – И, не дожидаясь ответа, дедушка Айк хлопает водительской дверью. Я расстёгиваю ремень, перебираюсь к рулю. Живот скручивает от того, что я сперва принимаю за страх, – знакомое ощущение.

Но потом, почувствовав тёплые покалывания, словно взлетающие из костра искры, я понимаю, что впервые за долгое время по-настоящему возбуждён.

Педали я осваиваю довольно быстро. С рулём тоже всё просто – не сильно отличается от карта. А вот переключение передач требует определённой концентрации. Я тотчас же глохну, а через пару метров – ещё раз. Сзади сигналит сверкающий «лексус». Дедушка Айк крутит ручку окна, высовывает руку. Думаю, я в курсе, что показывает эта рука.

– Не волнуйся, – говорит он. – Просто поезжай вперёд.

К тому времени, как мне наконец удаётся без запинки переключиться на вторую, а потом и на третью передачу, правая ладонь уже взмокла от пота.

– Прирождённый водитель, – хмыкает дедушка Айк, когда я торможу перед поворотом на ведущую к нашему дому грунтовку. Грузовик вздрагивает и останавливается.

– Я ведь очень медленно ехал, – отвечаю я, но от его похвалы на душе всё так же тепло. – А можем мы как-нибудь повторить?

– Не вопрос. Некоторые вещи мужчина просто обязан знать. И кто-то должен его научить.

– Спасибо, – бормочу я, когда мы снова меняемся местами и дедушка Айк выводит пикап на дорогу. – Это было... круто.

Дедушка Айк пожимает плечами.

– Только родителям ни слова. И может, тебе стоит попробовать убедить маму сводить вас сегодня поужинать в «Рыбный дом»?

– Ага, отличная мысль.

– Так ты вместо маминых вегетарианских экспериментов получишь сэндвич с тунцом и кукурузные оладьи, а я – целый час тишины и покоя.

– Ты разве с нами не поедешь?

– В «Рыбном доме» ветчину с ржаным хлебом не подают, – усмехается он, сворачивая к дому. – И потом, я люблю

поеть в одиночестве.

Похоже, дедушка Айк много чего любит делать в одиночестве.

– Мне жаль, что мама хочет переделать твой дом.

– Мы с твоей мамой не первый раз сталкиваемся лбами. –

Складки вокруг его рта собираются в мрачную гримасу.

– Почему вы не ладите? – вдруг спрашиваю я. – И почему мама никогда раньше не возила нас к тебе в гости?

Пикап останавливается у дома.

– Ты сегодня разговорчив, – бросает дедушка Айк, глядя на меня. – Это же прогресс, так?

– Мой психотерапевт, вероятно, именно так и сказала бы, – киваю я.

Дедушка Айк усмехается.

– Дети – существа крепкие, – говорит он. – Крепче, чем думает большинство взрослых. У тебя всё будет хорошо, Итан.

Он явно хочет сменить тему, но в эту игру можно играть и вдвоём.

– Спасибо. Но ты не ответил на мой вопрос.

– В другой раз, малыш. В другой раз.

Нормальность

Маму не приходится долго убеждать поужинать в «Рыбном доме».

– Но вовсе не потому, что это предложил дедушка, – ворчит она. – Просто у меня нет сил готовить ещё один ужин и выслушивать ваше нытьё.

– А они матч показывают? – спрашивает Родди.

Сегодня «Ред Сокс» играют с «Марлинами».

– Вероятно.

– А это «вероятно» значит «да»? Если «нет», я дома останусь.

– Этой семье нужно чаще бывать вместе, – заявляет папа.

Родди тяжело вздыхает.

– В машину! – рывкает папа. – Сейчас же! Поехали!

Чтобы немного утешить Родди, папа по дороге включает игру «Ред Сокс», но через помехи слышно только, что они проигрывают, и я переключаюсь на океан, где по залитому солнцем горизонту скользит одинокий парусник. Вода сейчас совершенно невообразимого цвета: словно расплавилась целая коробка пастели.

В груди тупо скребёт боль – такое иногда бывает, когда я вижу что-то по-настоящему красивое, слышу смешную шутку или читаю потрясающую книгу. И мне вдруг становится грустно, поскольку я точно знаю, что никогда не смогу раз-

делить эти эмоции с Кейси.

К примеру, я никогда не расскажу ей о том, что дедушка Айк разрешил мне сесть за руль пикапа, и не услышу, как она воскликнет: «Да ладно! Я тоже хочу!»

Всё, что нормальных людей радует, меня погружает в глубочайшую тоску. Это было бы смешно, если бы не было так грустно.

Едва мы успеваем сесть, подлетает официант с кустистыми бровями, по словам мамы, знакомый ей ещё со старшей школы. Остальным он представляется Зовите-Меня-Просто-Ризом. Когда он удаляется, оставив на столе корзинку с домашними оладьями и медовым маслом, мама откашливается.

– Родди, – спрашивает она, – не хочешь поинтересоваться у Итана, как прошёл его день?

– Не особенно, – пожимает плечами Родди.

Мама прикусывает губу.

– А что насчёт тебя, Итан? Тебе не любопытно, как дела у твоего брата?

Я смотрю на Родди: тот отчаянно щурится, пытаюсь разглядеть телевизор у барной стойки.

– Думаю, да.

Папа толкает Родди в бок.

– Ну, сынок? Что скажешь брату о школе?

– Хотите послушать про школу? Ладно, – закатывает глаза Родди. – Бейсбольной команды там нет, все местные – фана-

ты футбола. Друзей я не завёл, поскольку с этим болотным акцентом вообще не могу разобрать, что там кто бормочет. Всё, чему нас учат, я в Бостоне проходил в восьмом классе. Ах да, и ещё: хоть я и не играю ни на каком инструменте, школьный психолог всё равно записала меня в оркестр – на других предметах по выбору мест нет. Так что в общем и целом отстой. Хотите узнать что-нибудь ещё?

Мамино лицо приобретает цвет свёклы, папа барабанит по салфетке: похоже, он уже жалеет, что решил порасспросить Родди.

Над нашим столиком вдруг нависает Зовите-Меня-Просто-Риз.

– Готов ответить на любые ваши вопросы, ребята, – заявляет он, кивая на заляпанный жиром, несмотря на два слоя ламинации, лист меню. На маму он косится со странной ухмылочкой.

– А можете включить игру «Ред Сокс»? – спрашивает Родди, махнув рукой в сторону телевизора, на экране которого возникает итоговая таблица какого-то рыболовного турнира.

– Дайте нам ещё минутку разобраться с меню, – бормочет папа.

Зовите-Меня-Просто-Риз удаляется, и мама снова откашливается:

– Что ж, Родди, мы рады, что ты с нами этим поделился. Попробуем придумать, как сделать так, чтобы в школе тебе было интереснее.

– Точно, – добавляет папа. – Может, спросишь, не хотят ли они организовать бейсбольную команду?

– Пофиг, – отвечает Родди, полностью переключившись на игру.

– Ну а ты, Итан? – спрашивает мама. – Расскажешь нам о друге, с которым ты провёл сегодня весь день?

– Подруге, мам. Её зовут Корали. Она тоже новенькая... ну, вроде того. Просто её исключили из интерната за то, что она залила пол в танцевальном зале средством для мытья посуды, превратив его в банановую шкурку. Вот она и вернулась в Палм-Нот.

– Твою подругу исключили из интерната? – переспрашивает папа, нервно поглядывая на маму.

– Только потому, что какая-то девочка сломала лодыжку, – поясняю я. – Случайно. На самом деле это было ужасно смешно.

– Банановая шкурка? Танцевальный зал? Что-то мне это напоминает, – задумчиво произносит мама. – Просто какое-то дежавю.

– А ты уверен, что это хорошая компания? – снова спрашивает папа.

– Родди, послушай, что брат говорит, – приказывает мама. – Иними наконец бейсболку!

Но Родди уже приклеился к телевизору.

– Игра же идёт, мам!

– Брат слушал, теперь твоя очередь, – вмешивается папа.

– А я и слушаю. У Итана новая подружка, но вам не нравится, что её исключили из интерната. Только я считаю, пусть лучше у него будет хоть какая-то подруга, чем никакой. Вы разве не для того тащили нас в эту чёртову дыру, чтобы он мог прикидываться нормальным?

– Родди! – вскрикивает мама. – Сейчас же извинись перед Итаном!

Родди скрещивает руки на груди.

Папа с размаху хлопает ладонью по столу – такое я видел всего несколько раз в жизни. Посетители за соседними столиками замолкают. Я стараюсь вжаться в стул.

– Родерик Трюитт, – вопит папа. – Ты извинишься перед братом или немедленно выйдешь из-за стола.

– Да всё в порядке, пап, – бормочу я. Но меня никто не слушает.

– Иними эту поганую бейсболку! – добавляет мама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.